

данные и могут подтвердить более выраженные эмоциональные переживания при произнесении ложной информации по сравнению с ситуацией произнесения истинной информации.

Работа выполнена в рамках ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы.)», проект РНП.2.1.3.4868.

Примечания

- ¹ Miller G.R. Telling it like it isn't and not telling it like it is: Some thoughts on deceptive communication // The Jensen lectures / Ed. J.I. Sisco. 1983. P. 91–116.
- ² Фрай О. Детекция лжи и обмана / Пер. с англ. СПб., 2005.
- ³ Экман П. Психология лжи / Пер. с англ.; Под ред. В.В. Знакова. СПб., 2000.
- ⁴ Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью. М., 2003.
- ⁵ Лабунская В.А. Невербальное поведение. Ростов н/Д, 1986.
- ⁶ Бандурина М.В. Невербальные характеристики проявления доверия в общении // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 2. С. 199–200.
- ⁷ Уайтсайт Р. О чем говорят лица. СПб., 1996.
- ⁸ Паришуква Л.П., Шакурова З.А. Физиогномика: читай по лицу. Ростов н/Д, 2004. (Сер. Психологический практикум).
- ⁹ Лабунская В.А. Невербальное поведение.
- ¹⁰ Лабунская В.А. Психология экспрессивного поведения. М., 1989.
- ¹¹ Лабунская В.А. Невербальное поведение.
- ¹² Миккин Х. Невербальные коммуникации в диадах по материалам экспериментальных исследований за рубежом //

Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 335. Труды по психологии. 1974. № 3. С. 26–34.

- ¹³ Олдерт Г., Хэзер Б. NLP. Вводный курс. Полное практическое руководство / Пер. с англ. К. Семенов; Под ред. М. Добровольского, М. Неволлина. М., 2000.
- ¹⁴ Фрай О. Детекция лжи и обмана.
- ¹⁵ Боденхаммер Б.Г., Холл М.Л. НЛП-ПРАКТИК: полный сертификационный курс. Учебник магии НЛП / Пер. с англ. С. Комарова. СПб., 2003.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Фрай О. Детекция лжи и обмана.
- ¹⁸ Мезрабян А. Психодиагностика невербального поведения СПб., 2001.
- ¹⁹ Нэп М., Холл Д. Невербальное общение: Учебник / Пер. с англ. З. Зимчука, А. Козлова, А. Кулакова и др.; Под ред. А. Бродоцкой. СПб., 2004.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли людей по их жестам / Пер. с англ. Н.Е. Котляр. Н. Новгород, 1992.
- ²² Нэп М., Холл Д. Невербальное общение.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Экман П. Психология лжи.
- ²⁶ Нэп М., Холл Д. Невербальное общение.
- ²⁷ Экман П. Психология лжи.
- ²⁸ Нэп М., Холл Д. Невербальное общение.
- ²⁹ Экман П. Психология лжи.
- ³⁰ Фрай О. Детекция лжи и обмана.
- ³¹ Пат. 2221475 Россия. Способ исследования движения глаз по бинокулярному изображению и устройство для его реализации / Усанов Д.А., Скрипаль Ал.В., Скрипаль Ан.В., Абрамов А.В., Усанова Т.Б., Феклистов В.В. Россия. Оpubл. 20.01.2004. Бюл. № 2.

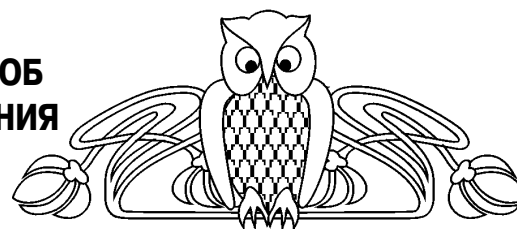
УДК 159.923.2 +316.6

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ – РЕКОНСТРУИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Е.В. Рягузова

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

Представлены результаты психологического анализа и теоретической рефлексии понятий «психологическая ситуация» и «визуальная репрезентация». Выделены такие характеристики психологической ситуации, как целостность, открытость, динамичность, неустойчивость, нелинейность. Утверждается, что любые визуальные формы несут определенную смысловую нагрузку и делают значение видимым. Рассмотрено фотографическое изображение как вид визуальной репрезентации, подлежащей интерпретативному пониманию. Показано, что визуальная репрезентация может рассматриваться как способ конструирования – реконструирования психологической ситуации.

Visual Representation as a Way of Constructing – Reconstructing a Psychological Situation

E.V. Ryaguzova

Outcomes of a psychological analysis and of a theoretical reflection of the notions of a «psychological situation» and of a «visual representation» are presented. Such traits of a psychological situation as an integrity, an openness, a dynamics, an instability, a non-linearity are specified. It is stated that any visual forms incorporate a certain meaning loading, and produce a meaning visual. A photographic picture as a kind of a visual representation subject to an interpretative comprehension is considered. It is displayed that a visual representation may be viewed as a way of constructing – reconstructing a psychological situation.

Понять личность вне ситуационного контекста невозможно, поскольку между человеком и условиями его жизни существует неразрывная связь. Жизнь в современном обществе риска – это жизнь в условиях неопределенности и непредсказуемости, радикальных и стремительных перемен в различных общественных сферах, которые приводят к кризису идентичности, во многом определяемых противоречием между требованиями резко изменяющихся общественных и экономических отношений и ригидностью личностных установок и стереотипов. Перед лицом жизненных обстоятельств, проблем и испытаний человек должен сделать выбор: либо противостоять жизненным обстоятельствам, внести в жизнь определенность и осознать собственную ответственность, либо устранившись от решения трудных проблем и тяжелых переживаний, нередко жертвуя при этом своими духовными ценностями. Уход от разрешения противоречий приводит к деформации, к фрустрации, а в конечном итоге, к деградации, поскольку во внутриличностной организации происходят изменения бывших оптимальными для нее пропорций в сторону неадекватности способов жизни и деятельности. Адекватное встраивание человека в новые условия актуализирует проблемы научной рефлексии происходящего с использованием соответствующих концепций и категорий описания. Таковыми выступают категории пространства и времени как основные конструкты описания научной и повседневной реальности, как исследовательская рамка психологического анализа.

Целью данной работы является психологическая рефлексия двух теоретических понятий – «психологическая ситуация» и «визуальная репрезентация» и установление соотношений между ними.

Под психологической ситуацией мы понимаем когнитивный конструкт; представляющий собой результат активного взаимодействия личности и среды, в ходе которого происходящее организуется, воспринимается, типизируется, оценивается и наделяется определенным социальным значением и личностным смыслом.

Психологическая ситуация детерминирована множеством факторов; к ним относятся как минимум два системных образования – система личности и совокупность факторов психологической среды. Факторы непсихологической среды, включающей предметный и социальный миры, как справедливо заметил К. Левин, могут повлиять на человека или испытать его влияние лишь в том случае, если они стали фактами психологической среды¹.

Факторы среды – субъект-объектные или субъект-субъектные интеракции – являются той группой детерминант, которые обуславливают определение ситуации, задавая ее пространственно-временные границы. Действительно, каждая ситуация характеризуется

и описывается с помощью пространственных и временных характеристик, и это описание может включать в себя два локальных хронотопа: 1) психологическая ситуация, актуализированная в режиме «здесь-и-сейчас»; 2) психологическая ситуация, хронотоп которой может не совпадать с реально наблюдаемыми пространственными и временными характеристиками. Кроме того, в психологической ситуации соединяется непрерывное и дискретное время. Время в ней дискретно, потому что психологическая ситуация задерживает временной поток искусственно, останавливая его для того, чтобы субъект мог идентифицировать и типизировать ее. Однако, с другой стороны, психологическая ситуация является отображением непрерывного времени, поскольку через нее фокусируются разновременные отрезки и формируются пространственно-временные конструкции. Наша точка зрения согласуется с идеями А. Мелучи о том, что «современный человек не воспринимает пассивно время, а конструирует его»². Следовательно, при конструировании психологической ситуации может происходить смещение пространственно-временных рамок, которые позволяют субъекту свободно перемещаться в направлениях будущее – настоящее – прошлое в зависимости от конкретных потребностей.

Фактически можно говорить об иерархической, структурной организации факторов внешней среды. Однако какие стимулы, эпизоды или события будут организованы в конкретную психологическую ситуацию, зависит от системообразующего фактора, а именно – от целей и потребностей личности, а также от тех личностных свойств, которые актуализированы в данный момент времени. Существует достаточно широкий репертуар прочтения объективной актуальной ситуации и соответственно многообразие, многозначность и полисемичность психологических ситуаций.

Личность определяет конфигурацию многих психологических ситуаций, накладывая свою уникальную рамку и используя свой собственный формат. При этом цели и потребности личности выступают в качестве системообразующего фактора, который определяет качественную специфику психологической ситуации.

Мы разделяем мнение о том, что личность формируется в условиях определенной среды и воспроизводит уже созданные модели, в которых выражается реальная система прав и обязанностей, и является социальной ценностью в контексте социальных отношений и взаимодействий³. Социальная жизнь личности не ограничивается рамками отдельной социальной группы, в которую она включена. Определение ситуации на групповом уровне дает представление о нормах и ценностях, имеющих социальную значимость. Нормы, таким образом, являются культурными механизмами интеграции и контроля относительно выполнения определённых функций, необходимых для удовлетворения жизненно важных по-

требностей индивидов, а также для поддержания их совместного существования.

Кроме того, психологическая ситуация является частью общей социокультурной ситуации, которая отражает многообразие и сложность современных общественных и культурных процессов⁴. Соглашаясь с утверждением П. Бергера и Т. Лукмана о том, что человеческая природа – социокультурная переменная, мы отмечаем атрибутивное значение многочисленных социокультурных детерминаций и доминант в процессе становления общества и человека⁵. Человек конструирует ситуацию и участвует в ней на основе алгоритмов, принятых в культуре данного общества и конкретной микросреды. Совокупности правил образуют сложные нормо-ролевые модели, отражающие социальную действительность и регулирующие совместную деятельность людей. При этом правила задают варианты определенных альтернатив и устанавливают в обществе социальный порядок, поскольку члены общества разделяют общие ценности и нормы и исполняют ожидаемые от них роли. Следовательно, ценности и нормы формируют коллективные рамки системы действия, определяют роли, приемлемые для субъекта, сценарии действий, «общий горизонт смысла, служащий точкой отсчета для акторов в ходе их действий»⁶.

Будучи членом общества, человек соотносит свою индивидуальную жизнь с жизнью общества, т.е. наряду с индивидуальными интенциями ему присущи и коллективные представления о жизни. Личность как один из сегментов социального организма является структурным элементом социальной системы – общества, и репрезентируется совокупностью индивидуальных и общественных характеристик. Следовательно, люди, относящиеся к одной и той же социальной группе, социализированные в сходных условиях, живущие и функционирующие в среде, которая до некоторой степени гомогенна в существенных физических, биологических, социальных, культурных аспектах, будут в определенной мере обладать аналогичными представлениями о социально стабильных алгоритмах поведения и сходными когнитивно-эмоциональными репрезентациями психологической ситуации.

Психологическая ситуация характеризуется динамичностью и неустойчивостью, так как малые возмущения не затухают во времени и не стремятся к нулю, а нарастают, приводя к изменению данной ситуации и конструированию другой. На это указывал К. Левин, проявляя интерес к внешне незначительным, но в действительности важным деталям ситуации. Сам он часто называл их «канальными факторами ситуации»⁷, поскольку этот термин отсылает к существованию незначительных, но вместе с тем критически важных фасилитирующих влияний или сдерживающих барьеров. Принцип канальных факторов является одним из ключевых для понимания того,

почему одни ситуационные факторы обладают большим влиянием, чем можно было бы ожидать, а другие – меньшим. Необходимо учитывать и тот факт, что субъективная интерпретация событий одним и тем же человеком характеризуется значительной изменчивостью. Эта изменчивость достаточно существенна, чтобы, исходя из факта неустойчивости интерпретаций, заставить нас ожидать появление заметных различий между поведением этого человека в двух объективно почти идентичных ситуациях, не говоря уж о различиях, проявляемых в ситуациях, которые всего лишь сходны.

Кроме того, любая психологическая ситуация имеет начало и конец, она характеризуется определенной динамикой, которая может быть представлена следующим образом: перцептивная организация средовых констелляций; идентификация их как интегративного образования; когнитивная проработка; оценивание субъективной ситуации; типизация на основе имеющегося опыта и знаний; принятие решения и выбор способа действия; реализация действия; обратная связь.

Существенным, на наш взгляд, является то, что в состав психологической ситуации входит репертуар способов действий. Как считают И. Мюслер, С. Стайнингер и П. Вюр, «модус будущего действия способен повлиять на процесс восприятия»⁸. В связи с этим интересна идея А. Шютца о том, что перед тем как человек совершает какое-то действие, он должен видеть это действие законченным, т.е. «действие есть осуществление предвосхищаемого будущего»⁹. Поэтому можно говорить о действенном плане психологической ситуации, под которым мы будем понимать функциональное и ценностное осмысление, схему действия, репрезентирующую в самых общих чертах модус поведения в определенном классе ситуаций. Если ситуация определяется как типичная, то актуализируется привычный «действенный план», направленный либо на сохранении конкретной ситуации (в случае оценивания ее как позитивной), либо при негативной оценке – на изменение ее. Если ситуация классифицируется как нетипичная, т.е. не имеющая проверенного готового способа действия, то возникает вероятность актуализации нерационального, либо неадекватного действия в силу того, что в опыте еще не было такой конфигурации, и субъект вынужден осваивать ее без опоры на традицию.

Кроме этого психологическая ситуация всегда имеет несколько вариантов развития. Некоторые исследователи употребляют понятие «эвентуальная» ситуация, т.е. «устанавливающая не неизбежность определенных следствий, а лишь их возможность»¹⁰.

В этой связи необходимо выделить еще одно важное свойство психологической ситуации – нелинейность. Проблема нелинейности сама по себе весьма интересна для современного этапа

развития методологии, а при изучении психологических ситуаций она является, на наш взгляд, ключевой. Принцип нелинейности позволяет описать психологическую ситуацию как сложную систему, несущую в себе элементы неопределенности, непредсказуемости, поливекторности и множественности своего развития.

Нелинейность заключается, прежде всего, в нарушении прямого, пропорционального соотношения между стимулами среды и их субъективной репрезентацией. Кроме того, нелинейность связана с непредсказуемостью поведения: общество транслирует определенные нормы, правила прочтения ситуационных типов и определенные нормативные сценарии поведения в них, ограничивает выбор действующего субъекта, принуждая его соответствовать социально принятому способу поведения. Однако, за субъектом остается право следовать правилу или игнорировать его, право принятия того или иного решения, право выбора конкретного действия и реализации поведенческого рисунка. Нелинейность определяет «веерность» развития ситуации: в определенные моменты времени возможен «скачок», переход на новый путь развития ситуации, который может быть связан как со смещением временных и пространственных рамок, так и с привнесением в ситуацию нового знания, нового опыта, новых оценок, новых смыслов, с расширением репертуара действий.

Теоретический анализ термина визуальная репрезентация показывает, что визуализации входят в понятие материальной культуры и связаны с формированием пространственной среды и предметного мира вокруг нас. Визуализации, с одной стороны, оказывают влияние на каждого человека, а с другой стороны, сами испытывают воздействие социума, эволюционируют, поскольку «человек смотрит глазами, но видит благодаря социальным и культурным конвенциям»¹¹. К визуальным феноменам относится множество разнородных, на первый взгляд, явлений: зрительное и интеллектуальное видение, зрительное восприятие, визуальное мышление, внешняя (видимая) и внутренняя (образная) форма, кинесические компоненты невербальной коммуникации, фотография как самый распространенный вид изображения, кинематограф, который, по выражению Лотмана, стал искусством № 1 XX века.

При этом не вызывает сомнения тот факт, что визуальные образы оказывают значительное влияние не только на широкую область социокультурных реалий – вкусов, стилей, предпочтений, ценностей той или иной части населения, которой адресовано визуальное послание, легитимируя новые практики и устанавливая новые образцы, но и на способы познания и типизации мира. Любые визуальные формы несут определенную смысловую нагрузку и **делают значение видимым**. Более того, визуализации экономят наше время, поскольку, как справедливо считает В.П. Зинченко, «зрительные образы в отличие,

например, от слуховых, характеризуются субъективной симультанностью, позволяющей мгновенно «схватывать» отношения, существующие между различными элементами воспринимаемой ситуации. Зрительный образ необычайно емок, так как в нем практически одновременно отражается информация о цветовых, пространственных, динамических и фигуративных характеристиках предметов»¹². Кроме того, визуальные образы приобретают известную автономию и могут стать объектом зрительных манипуляций и преобразований. Среди многообразия визуальных образов нас будет интересовать фотография как вид визуальной репрезентации, подлежащей интерпретативному пониманию.

Фотографию часто рассматривают как реалистическую и объективную запись окружающего мира, не учитывая, что она выступает не столько отражением реальности, сколько репрезентацией оператора, который осуществляет вторжение, целенаправленную деформацию отображения, преломление действительности с целью ее означивания, выделения значимости и актуализации смысла, транслируя ее остальным и заставляя других по-новому увидеть и воспринять реальность. Взгляд фотографа – это не просто сфокусированный взгляд, не только «поза логоса»¹³, но и активное воспринимающее «Я», социализированное в определенной культуре на основе конкретных моральных, этических, социальных, религиозных и эстетических ценностей. Та или иная культура всегда содержит в себе определенные принципы, позволяющие и даже предписывающие взгляду видеть тем или иным образом, с теми или иными последствиями или без них. Грань, за которой происходит перемена статуса взгляда и зрения, не существует в жизни отдельного человека, а проходит в культуре.

Фотография «как вынесенная вовне память» (У. Эко) является тем пусковым элементом, который актуализирует семантические сети и когнитивные карты пространства памяти и конструирует/реконструирует психологическую ситуацию. Считаем необходимым привести цитату Э. Фромма, которая, на наш взгляд, указывает на субъективную значимость и эмоциональную насыщенность мнемических следов: «Типичным примером того, как происходит восстановление в памяти лица или пейзажа по принципу обладания, является манера большинства людей рассматривать фотографии. Фотография служит им лишь вспомогательным средством для опознания человека или места, вызывая, как правило, такую реакцию: «Да, это он» или «Да, мне случалось бывать здесь». Таким образом, для большинства людей фотография становится своего рода отчужденной памятью»¹⁴.

Метафорическое сравнение фотографии с «окном, зеркалом, линзой»¹⁵, с «воротами, которые память пощадила»¹⁶ указывает на то, что сама фотография символизирует соединение и

разъединение пространств, а также неразрывную связь открытого и замкнутого пространств и их непрерывное перетекание одного в другое. Фотография выделяет свое из общего и становится проводником между миром общих и миром личностных значений. По мнению С. Зонтаг, величайшая мудрость, заключенная в фотографическом изображении, говорит нам: «Такова поверхность, а теперь думайте, чувствуйте, постигайте с помощью интуиции то, что лежит за ее пределами. Вычисляйте, какова должна быть реальность при данном поверхностном обликии»¹⁷. Таким образом, не объясняя ничего сами, фотографии служат неистощимым источником к размышлению, фантазированию. Признавая, с одной стороны, что фотография, конечно, восполняет многие пробелы в нашем мысленном видении, представлениях о том, как выглядело то или иное явление, мы должны сознавать, с другой стороны, что каждая фотография скрывает больше, чем показывает. Аналогичную идею высказывает Е. Петровская: «... тот неуничтожимый, сопротивляющийся остаток, который дает нам фотография, есть прикосновение к светочувствительной пластине мира, не структурированного сообразно языку. Конечно, тотализующим усилием людей культуры мы сводим этот остаток к минимуму, иногда к пульсирующей точке эмоции, которую переживаем снова, не умея при этом назвать. Как бы то ни было, но сообщение, идущее из фотографии, превосходит нашу способность его расшифровать. Эти фотографии, если угодно, управляют глубиной, заставляя ее проявиться»¹⁸.

Следовательно, фотографии способны выводить изображения объектов из пространства и времени, в которых эти объекты пребывают¹⁹. В связи с этим каждая фотография принадлежит, по крайней мере, двум локальным хронотопам: первый связан с актуальной ситуацией «здесь и сейчас», а второй – с ситуацией «там и тогда». Это смещение пространственно-временных рамок позволяет субъекту свободно перемещаться в направлениях прошлое – настоящее в зависимости от конкретных потребностей и социальных конвенций, т.е. конструировать или реконструировать психологическую ситуацию.

Фотография проводит зримую границу между реальностью и прошлым. И в этом смысле стоит обратить внимание на проблему фрейма: внутри рамок разрешено особое развертывание событий – рамка, с одной стороны, открывает иное пространство, а с другой – защищает и одновременно препятствует проникновению в это пространство чужого, иного, инородного. Кроме того, рамка повышает значимость того, что в нее помещено. Здесь термины «значимость» и «знаковость» необычайно близки, т.е. феномен рамки, а также амбивалентность смысловых коннотаций понятия «значение» демонстрируют свойство вторично закодированного пространства не только значить что-либо, но и быть более значительным для

воспринимающего. Фрейм в определенной своей функции отделяет значимое от незначимого. При подобном подходе можно и следует говорить о том, что пространство, заключенное в раму (в нашем случае пространство фотографического изображения), является переводом при помощи определенного кода некоего предполагаемого нейтрального (в значении «незакодированного») пространства и времени в лично значимое пространство и субъективно определенное время, в пространство, наполненное смыслами, т.е. в психологическую ситуацию.

Соглашаясь с мнением Р. Барта о том, что фото «может быть предметом трех способов действия, тройкого рода эмоций или интенций: его делают, претерпевают <будучи заснятым> и разглядывают»²⁰, можно выделить три плоскости порождения смыслов: смыслы, актуализованные фотографом; смысловые ряды, связанные с объектом фотографирования, хотя сама фотография может рассматриваться как полисемичный текст, наполненный многими значениями и допускающий множество интерпретаций; смыслы, возникающие при трансформации образа объекта в символы, составляющие сущность переживания зрителя. «Видеть изображение – значит прочесть его как текст, специально настроившись на раскрытие всевозможных символов и отношений, которые в нем заключены, т.е. обнаружить тот контекст, в котором это изображение выступает»²¹.

Однако, на наш взгляд, фотография связывает не только настоящее с прошлым, но и влияет на проектирование будущего. Оживление воспоминаний укрепляет идентичность и помогает осознать свою уникальность, а следовательно, сформировать позитивное эмоционально-ценностное отношение к себе. При этом мы, вслед за А. Шютцем, считаем, что биографическая ситуация предполагает своеобразную перспективу видения мира, где индивид оказывается как бы центром мира. «Место, которое мое тело занимает в мире, мое актуальное здесь оказывается тем стартовым пунктом, из которого направляются все мои действия. Это, так сказать, нулевая точка в моей системе координат... И точно так же мое актуальное сейчас является источником всех временных перспектив, в согласии с которым я организую явления мира»²². Кроме того, с помощью фотографий можно не только реконструировать прошлые события, отражающие многочисленные шифры социального содержания (Т. Адорно), но и деконструировать систему репрезентаций, создав новую систему значений. Справедливости ради необходимо отметить, что Р. Барт отказывает фотографии в возможности двигаться вперед по шкале времени, оставляя за ней право двигаться только назад и сопровождать в этом движении рассматривающего ее человека²³.

Следовательно, фотографии, останавливая мгновение, переводя объемное изображение в плоское, отражая наиболее поверхностный

смысл событий, выводят изображения объектов из пространства и времени, в которых эти объекты пребывают, и конструируют психологическую ситуацию, оформленную и осмысленную в соответствии с культурными нормами. Кроме того, фотографии повышают значимость изображаемого, открывают глубину, под которой содержится множество скрытых смыслов и нарративов и позволяют субъекту свободно перемещаться в направлениях прошлое – настоящее – будущее.

Таким образом, визуальные репрезентации можно рассматривать как один из способов, с помощью которого конструируется или реконструируется психологическая ситуация.

Примечания

- 1 Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.
- 2 Melucci A. The Playing Self. Person and meaning in the planetary society. Cambridge, 1996. P. 11–25.
- 3 Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1994. С. 56.
- 4 Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: сущность и тенденции развития / Под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2001. С. 4.
- 5 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 83.
- 6 Коркюф Ф. Новые социологии / Пер. с фр. М.; СПб., 2002. С. 155.
- 7 Цит. по: Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии / Пер. с англ. В.В. Румынского; Под ред. Е.Н. Емельянова, В.С. Магуна. М., 2000. С. 44.
- 8 Musseler J. Steinger S. Wuhr P. Can action affect percep-

tual processing? / The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2001. Vol. 54. № 1. P. 137–154.

- 9 Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов. М., 2003. С. 45.
- 10 Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: сущность и тенденции развития. Саратов, 2001. С. 25.
- 11 Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е.Р. Смирновой-Ярской, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов, 2007. С. 13.
- 12 Зинченко В.П. Современные проблемы образования и воспитания // Вопр. философии. 1973. № 311. С. 46.
- 13 Савчук В.В. Философия фотографии. СПб., 2005. С. 32.
- 14 Фромм Э. Иметь или быть? М., 2000. С. 38.
- 15 Чертов Л.Ф. Виртуальные пространства изображений // Виртуальное пространство культуры: Материалы науч. конф. 11–13 апр. 2000 г. СПб., 2000. С. 54.
- 16 Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов, 2007. С. 146–168.
- 17 Зонтаг С. Взгляд на фотографию <http://www.Photographer.ru>.
- 18 Петровская Е.В. Непроявленное: Очерки по философии фотографии. М., 2002. С. 15.
- 19 Чертов Л.Ф. Виртуальные пространства изображений.
- 20 Барм Р. Camera lucida: Комментарии к фотографии. М., 1997.
- 21 Чернович Б. Язык графического дизайна М., 1995.
- 22 Шютц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. № 2. С. 132.
- 23 Барм Р. Camera lucida: Комментарий к фотографии. М., 1997. С. 135.

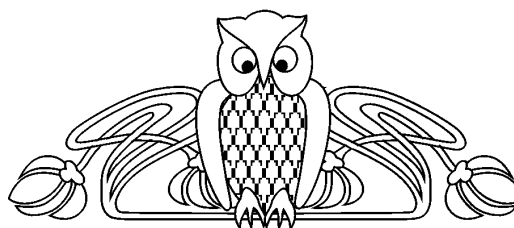
УДК 159.9:316.62

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Г.Ф. Садрисламов

Казанский государственный университет,
кафедра психологии кризисных и экстремальных ситуаций
E-mail: Uliana.Sagdeeva@ksu.ru

В статье представлены результаты исследования криминальной субкультуры как одного из основных источников профессионализации преступности. Раскрыты понятия традиции, ритуалов, татуировок, кличек, жаргона в преступном мире, а также представлен анализ их содержания. Часто это выступает психологическим орудием (механизмом) становления и развития преступной деятельности.

Psychological Mechanisms of Reproduction of a Criminal Behaviour

G.F. Sadrislamov

The article gives the results of the research of a criminal subculture as one of the basic sources of the professional employment of criminality. The concepts and notions of traditions, rituals, tattoos, nicknames, slang of a criminal society are exposed as well as the analysis of their nature and content. Often it acts as the psychological tool (mechanism) of formation and development of a criminal activity.